

НЕЖИТЬ

Вадим Кучеренко

16+

Вадим Кучеренко

Нежить

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Кучеренко В. И.

Нежить / В. И. Кучеренко — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Леший Афанасий, рискуя своей жизнью, идет в город, где встречает ведьму Марину, которая служит в театре актрисой. Между ними зарождается взаимное чувство, и в лес они возвращаются уже вдвоем. Но кроме любви ведьму ведет еще и месть к духам природы, когда-то приговорившим к страшной смерти ее родную мать... Герои поэмы «Нежить» - лешие, водяные, русалки, домовые, ведьмы, а также люди и даже библейские персонажи. Поэму характеризует оригинальный сюжет и почти детективное развитие событий, которые не позволят читателям скучать до последней строки произведения. В оформлении обложки использована фотография из личного архива автора.

© Кучеренко В. И., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Предисловие,

где читатель узнает о давней вражде нежити к людям и знакомится с лешим Афанасием.

Был бы лес, а леший будет...
Предки наши крепко знали:
Если кто о том забудет,
Выйдет из лесу едва ли.

Лешему одна забота –
День и ночь людей морочить,
Завести с пути в болото,
Смертный страх в душе упрочить,

Серым волком рыскать в поле,
Филином ночами ухать...
Леший сам в себе не волен,
Зло в крови лесного духа.

Но ему по нраву дело.
Со времен проклятья Евы
В нем вражду зажег умело
Соблазнитель юной девы.

Лешего судьба такая –
Не живет, не умирает.
Нежить он; душа простая
Людям не прощает рая.

Но в семье не без урода.
В дебрях Сихотэ-Алиня
Жил позор всего их рода,
Леший – сущая разиня.

Не космат, всегда опрятен,
Будто не в лесу он жил,
Быть пытался всем приятен,
Словно и не лешим был.

Днями пас он зайцев мирно,
Ночью лунной тихо пел,
И, с рожденья нравом смирный,
Ненавидеть не умел.

Век за веком коротая
В сумрачном своем лесу,
Леший жил, не понимая –
Кротость лешим не к лицу.

Оттого и слыл блаженным,

Никудышным – просто брось.
Леший, если он смиренный,
Со своим народом – врозь.

А ему и горя мало,
Что бесчестит грозный род.
Леший – он упрямый малый.
Афанасий тем и горд,

Что с лопастью дружбу водит
И с кикиморой прядет,
С полевыми хороводит
У костра ночь напролет.

Он шутя сносил презренье
Нежити округи той.
Леший чтит свое сужденье,
Мненье прочих – звук пустой.

Так и жил бы вечно, мнилось,
Поживал бы, как пришлось,
Но однажды приключилась
С ним беда. И началось...

Ведь обычно так бывает,
Что одна беда к другой,
Как снежинки, налипают
И грозят большой бедой.

Глава 1,

где старый леший Прошка задумывает украсть у Афанасия зайцев и отправляет его обманом в город.

Средь леших мало пастухов.
Попробуй-ка, поспеи за зайцем,
Когда он деру даст без слов,
А беглеца не тронь и пальцем!

Но Афанасий знал секрет,
Как управлять косою зверушкой.
Он стадо выводил чуть свет,
И то тучнело на опушке,

Пока сам Афанасий млел
Под солнца жаркими лучами,
Иль мастерил свой самострел,
Охотой балуясь ночами.

В то утро леший был рассеян.
Своей природе вопреки,

Забыть не мог, как был осмеян
Он на рассвете у реки.

Младые нагие шутовки
Его забрызгали водой,
Крича, что очень он неловкий,
И почему не с бородой?

Взыграла кровь... Но водяной,
Заслышав крик и смех не в пору,
Русалок всех прогнал домой
И помешал их разговору.

Но Афанасий все ж успел
С одной из дев перемигнуться.
И вот теперь понять хотел,
Чем мог ей леший приглянуться.

Русалки чарами сражен,
Забыл мечтатель наш о деле.
А потому не сразу он
Заметил филина на ели.

Тот затаился средь ветвей
И был на вид совсем как птица,
Вот только не было бровей
И словно опалил ресницы.

Каким ни слыл бы простаком
Наш леший, но не усомнился:
К нему в обличие таком
Далекий родственник явился.

Не филин был то – леший старый,
Своим дурным известный нравом.
Легко затеять мог он свару,
Когда не получал что даром.

А что мог Афанасий дать?
Ну, разве желудей в лукошко,
Иль стадо зайцев перегнать,
Когда бы было то у Прошки.

Ведь старый был беднее мыши,
Чужим добром лишь мог разжиться.
Затем и из лесу он вышел,
Чтоб парой зайцев поживиться.

Но Афанасий был сильнее,

Отнять рискни – так быть беде.
Пусть хил ты, Прошка, но умнее,
Так думал леший о себе.

Коварный план обдумав, тенью
Гость к Афанасию слетел.
Вернув свой облик, возмущенье
Изобразил и заскрипел:

– Как можешь быть ты безмятежным,
Ведь каждый леший на счету.
А может, стал ты слишком нежным,
И я напрасно речь веду?

Тогда беги, скрывайся в чаше,
И носа высунуть не смей.
Что из того, что все пропащим
Сочтут тебя, ведь жизнь ценней.

– Пстой, за что меня ругаешь? -
Был Афанасий изумлен.
– И зайцев ты моих пугаешь,
Им портишь аппетит и сон.

– Кикимора, не леший ты.
А я еще не верил слухам!
О прялке все твои мечты...
– Эй, Прошка, враз получишь в ухо!

Наш Афанасий осерчал,
А Прошке лишь того и надо.
Обида, старый леший знал,
И черта выманит из ада.

– Бес в воду, а пузырья вверх, -
Ответствовал без страха Прошка.
– Ты ссоры ищешь, как на грех.
Подрасться можно бы немножко,

Да только не затем я здесь,
Чтоб кровью орошать кусты.
Тебе принес дурную весть,
Так выслушай сначала ты,

А там решим, чем нам заняться,
Куда нам силушку девать.
Недаром лешим битвы снятся –
Пришла пора повоевать.

Был Прошка мастер завирать.
Любил он юным лешим спьяну
То быть, то небыль рассказать.
Вот и сейчас пустился рьяно:

– Лешак и водяной всегда
В согласии и мире жили.
Нам лес навек, ему вода –
На том когда-то порешили.

Раздора не было с тех пор
Меж лешими и водяными.
Блюли мы строго договор
И стали, почитай, родными,

Не чванясь тем, что ближе леших
Был водяной нечистой силе,
Нередко конных мы и пеших
Из леса в омут заводили,

И водяной их всех топил,
Тряся зеленой бородою.
А после гоголем ходил,
Всплыв колесом по-над водою.

Косматый весь, опутан тиной,
То выпью крикнет, то совой –
Утопленник бы сам картиной
Залюбовался, будь живой.

Теперь совсем другое дело.
Как будто беса подменили:
Ему оставили лишь тело,
А чести бесовской лишили.

Он леших вздумал обвинить:
Мол, милосердны те не в меру,
Готовы людям все простить
И перейти в чужую веру...

Нет в этом правды ни на грош,
Но верь мне, леших ждут напасти!
Ведь слово лживое как вошь
Свербит и разжигает страсти.

Недолго ждать нам – водяной
Всю нечисть ополчит на леших.
И в лес придет народ иной,
И будет вволю беса тешить.

А нам придется пасть геройски,
Или бежать всем в города.
Ведь, я скажу тебе по-свойски,
Не победим мы никогда.

Давно уже угас наш дух,
Нам зайцы белый свет затмили.
Был леший воин – стал пастух.
Прав водяной, мы все забыли.

Умолкнул Прошка, и слеза
Скатилась вниз по наглой роже.
Он пальцем обмакнул глаза,
Ведь плакать лешему негоже.

А Афанасий странно тих.
Он вракам всей душой поверил.
Казалось, даже лес затих,
И в страхе разбежались звери.

А вместо них из всех оврагов,
Из ям, берлог и буераков
Ползли полчища врагов,
Подобия кошмарных снов.

Бесплотные, стоят безмолвно
За каждым деревом и пнем,
Команды ожидая словно
Всех леших истребить огнем...

– Да не бывать такому век! -
Нахмурился он грозной тучей.
– Ужель храбрей нас человек?
И длань моя его могучей.

Но даже слабый род людской
Сражается с нечистой силой,
И та всей злобою мирской
Досель его не подкосила.

Я верю, сдюжим все и мы.
Ты прав, мы, лешие, забыли,
Что водяной – исчадь тьмы,
И потому с ним мирно жили.

Но нет изменнику прощенья.
Он хочет леса моего?
Жестоким будет отомщенье:

Из вод глубоких вон его!

А Прошка сам уже не рад.
Он, в раж войдя, наплел такого,
Что будь то не слова, а град,
Побил бы насмерть водяного.

Когда бы веская причина,
А то ведь зайцы в грех ввели...
«Эй, плачет по тебе осина, -
Подумал леший. – Не шали!»

– Где надобно умом раскинуть,
Там норовишь рубить сплеча.
Недолго лешему и сгинуть, -
Заметил Прошка, – сгоряча.

– Так посоветуй мне, приятель.
Я знаю, тертый ты калач!
– Видать, что водяной наш спятил.
Здесь знахарь нужен, не палач.

– Ведун?! – и Афанасий сник. –
Ты сам здоров ли часом будешь?
Он в городе живет, старик...
– Ой, зверя ты во мне разбудишь!

Не посмотрю, что ты здоров,
А наломаю хворостины...
– Смотри, не потеряй портов.
Не лешачонок я – детина.

– Так я к тому и речь веду, -
Стучатся, слышишь? Так впусти! -
Рискнет кто на свою беду
Такого задержать в пути?

Куда там с Прошкою тягаться!
Словами с ним не совладать...
Но в страхе как тому признаться,
Кто ужас всем привык внушать?

Лукавил старый, знал и сам
Что урожденный дух лесной
Скитаться мог лишь по лесам,
А прочий мир пред ним стеной.

Как горожанину ужасен
Дремучий бор ночной порой,

Так город лешему опасен:
Где дом – ведь там и домовой.

Но не было такого сроду,
Чтоб леший с домовым дружил.
Чтил каждый и свою породу,
И тот удел, что получил.

И забредать в чужие веси
Чревато было карой злой...
Когда б все Афанасий взвесил,
Рискнул бы разве головой?!

Не то недолго леший думал,
Не то тем утром на беду
Он мир вдруг изменить задумал,
Но только он решил: «Иду!»

Свершилось! Прошка ликовал.
Одно лишь омрачало радость:
На смерть, возможно, посылал
Он Афанасия... Но жалость

Недолго лешего терзала.
Она исчезла без следа,
Едва о зайцах услышала.
– А стадо как же? Вот беда!

То Афанасий вспомнил вдруг,
Что был с утра еще пастух.
– Как будто я тебе не друг, -
Изрек с обидой Прошка вслух.

– Не брошу зайцев я твоих,
И сберегу все стадо.
Тебя любя, люблю я их,
Тревожиться не надо.

Был взгляд его на диво чист,
Лишь в глубине туманен.
Так грязной кляксой белый лист
Бывает опоганен.

Но Афанасий вдаль глядел,
Не лешему в глаза.
Наивный малый скрыть хотел,
Что веки жгла слеза...

Он в дудку свистнул – зайцы вмиг

Сбежались на поляну.
Теснясь, подняли визг и крик
От сутолоки рьяной.

Там лапу отдавили, здесь
На ухо вдруг присели...
Казалось, лес кружится весь
В пушистой карусели.

Но Афанасий свистнул вновь,
И стихли зайцы сразу.
Привыкла заячья их кровь
Смиряться по приказу.

– Я ухожу, – так леший начал, -
Куда, зачем – вам ведать ни к чему.
Надеюсь, ждет меня удача.
А вы послушны будьте вот ему.

Любить он обещал вас. Правда, Прощка?
– Я их люблю не меньше, чем своих, -
Заверил тот. – Сюда иди, эй, крошка!
И ты, толстяк... Я обожаю их!

– Ее Малыш зовут, того – Обжора, -
Заметил леший, не сумев скрыть грусть.
– Так мы с тобой закончим здесь не скоро.
Давай мне дудку, сам я разберусь!

И дудку выхватил старик без лишних слов.
Устал уже скрывать он нрав свой вздорный.
Надул он щеки, дунул – звук был нов,
Но зайцы были, как всегда, дуде покорны...

Глава 2,

где леший Афанасий, отправившись в путь, встречается со своим старым другом полевым Никодимом.

Хруст веток под ногами, птичий крик,
Овраг, поросший бешеной травой,
И плеск ручья, и грозный тигра рык,
Бредущего с охоты к водопою, -

Все это лес, и музыка его.
Всем жителям Земли она знакома.
Но горожанин не поймет в ней ничего,
А леший слышит зов родного дома.

Он дух лесной; и плоть от плоти леса,
Его глаза, и уши, и душа.

То он злодей, а то большой повеса,
Но чаще тень, что стороной прошла.

Нетрудно встретить лешего в лесу:
Окликни лишь, да разглядеть сумей –
Быть может, встанешь с ним лицом к лицу,
Но не рассмотришь черт среди ветвей...

Но лес ревнив, и нежить это знает.
Непросто даже лешему порой
Из чащи выйти; та не отпускает,
Встав на пути зеленою стеной.

Огонь и тот, устав, стихает скоро.
Никто другой не проживет и дня,
Смирится в ожиданье приговора,
Познав все ужасы лесного бытия.

Но Афанасий лесу был родной,
Его пугать – нелепая затея.
Шел налегке, с котомкой за спиной,
Мечтами с каждым шагом богатея.

Не близок путь, и чем себя занять?
Не все же морокуше подпевать.
А мыслям волю дай – и не унять.
О ведуне он начал вспоминать.

Еще не позабылось это время –
В леса ведун пришел и жил среди них.
Он с нежитью делил проклятья бремя,
Приняв обычаи и все повадки их.

Лечил от сглаза, отводил заклятья,
На Ерофея бешенство снимал,
А на русальнице рядил шутовок в платья,
Чтоб их нагими леший не видал.

Ни то ни се он был, ни друг, ни враг.
Не человек уже как будто – и не бес.
Он для житья облюбовал овраг
И жил отшельником, не покидая лес.

Не то чтоб ведуна в лесу любили –
Как был чужак, так и остался им, -
Но до поры и ненависть таили,
Ему платя презрением своим.

Все изменилось сразу, лишь узнали –

Ведун с ведьмачкою сошелся и живет.
Кикиморы – и те тут возроптали:
«Позор на наши головы падет!»

Он из людей, она – иного рода,
Меж ними пропасть пролегла навек.
Недопустимо честь пятнать породы.
Нечистой силе ненавистен человек.

Судили их, и ведуна изгнали.
Что с ведьмой стало, леший плохо знал.
Слышал он только, как в лесу болтали:
Мол, в родах умерла, а плод – гидроцефал.

Но так ли это? Может быть, и ввали,
Чтоб неповадно было нежити грешить.
Русалок взять – давно уж потеряли
Стыдливость девичью. И как ее внушить?..

– Помилуй беса царство князя тьмы! -
Ворвался в размышления вдруг голос. –
Забыл ты, видно, как любили мы
Срывать с русалок грудь прикрывший колос?

И что бы было, будь они стыдливы?
И где тогда ты лицемерье прятал?
Коровы, знаешь ли, с того и не бодливы,
Что их с быком в хлеву пастух сосватал.

– Эй, Никодим, как смел ко мне без спроса! -
Взъярился Афанасий, озираясь. –
Ну, берегись, я вытопчу все просо,
И будешь голодать всю зиму, каясь!

– Скрыть хочешь мысли – думай тише.
Вам, лешим, эта истина знакома?
Тебя, мой друг, слышали даже мыши.
Ты все же в поле, Афанасий, а не дома.

И в самом деле, лес был за спиной,
А перед лешим простиралось поле.
Здесь даже воздух, грезилось, иной,
И с каждым вздохом опьянял он волей.

– Вы, лешие, в лесу совсем забыли,
Что в поле даже у травы есть уши.
– А вы бы, полевые, отучили
Свою траву чужие мысли слушать!

Был леший с полевым уж век знаком,
Немало в прошлом вместе почудили.
Слыл Никодим беззлобным чудаком,
Но за беспутство все его бранили.

Завечерело, и в лучах закатных
Сгустились тени, пали в чернозем –
И Никодим, приземистый, но статный,
Встал перед лешим в облике своем.

– Здоров будь, Афанасий, бес пропащий!
– Будь вечность жив и здоров, друг Никодим!
– С каким попутным ветром к нам из чащи? -
И полевой расцеловался с ним.

Но сей порыв смутил тотчас обоих,
Ведь не в чести у нежити такое.
И с малолетства приучают их,
Что бес тогда лишь бес, когда задумал злое.

– Как будто что-то мучает тебя, -
Молчание нарушил Никодим.
Спросил пытливо, ус свой теребя: -
Иль невзначай разжился ты чужим?

В котомке что – алмазы, самоцветы,
Сокровища подземного царя?
– Не смейся и оставь свои наветы!
– Так сам скажи, чтоб не гадал я зря.

Когда бы Афанасий мог признаться!
Но Прошке обещал о ведуне молчать.
А слово дал – так надобно держаться
И другу полуправду рассказать...

– Иду я в город, – начал он уныло, -
Давно хотел на мир людей взглянуть...
– Сдается, леший, жизнь тебе постыла,
Коль в лапы смерти свой направил путь.

Знал Афанасий сам, что Никодим был прав,
И он безумен был, решив леса покинуть.
Ведь города не место для забав,
Не мудрено в них лешему и сгинуть.

Есть здравый смысл, но есть еще гордыня.
И леший удила вдруг закусил.
Домой вернуться он не мог отныне:
Ну, как признать, что сильно он сглупил?!

– Все это бред кикиморы и слухи, -
Сказал и взгляд отвел, себя стыдясь.
– Не лгут, видать, одни лесные духи, -
Воскликнул Никодим, на лешего озлясь.

Они нахмурились; недолго и до ссоры.
Известно ведь – в себе не волен бес,
Нередко завершает дракой споры
И неизменно – криком до небес.

Закат окрасил тучи в цвет багряный,
Над полем ветер, как шакал, завыл...
Однако буря стихла, гром не грянул.
Никто о давней дружбе не забыл.

– Напомню я, чем города опасны, -
Вновь приступил к осаде Никодим.
– Но даже если доводы ужасны,
Предупреждаю – я не исправим!

– Ты выслушай сперва, там поглядим,
Кому из нас менять придется мнение. -
И заслони собою солнце Никодим. –
Открой глаза и уши откровению!

Уселся леший поудобнее на кочку,
А полевой грозой навис над ним.
Решив поставить в этом деле точку,
Он был, как никогда, неумолим.

– Слово город – бесцветное слово,
Но ведь ужас, ты прав, не в словах.
В городах не живут даже совы,
Только люди живут в городах.

Обитатели каменных клеток
Дышат воздухом смрадным и ждут,
Что зима превратится вдруг в лето
И от бед их молитвы спасут.

Но живя в ожидании чуда,
Все погрязли в грехах, как в смоле.
Сотворили кумира из блуда,
Подменив бога им на Земле.

Лицемерные божи твари
Понастроили всюду церквей.
Но когда же молитвы спасали

От гнездящихся в душах чертей?

Город – та же зловонная яма.
Человек – узник низких страстей.
Я прошу тебя, друг мой упрямый,
Ты живи, как и жил, без затей!

И Никодим вздохнул устало.
Он красноречием блеснул,
Как другу доброму пристало.
Но леший, заскучав, зевнул.

– Прости, но я тебя не понял,
Чем город так опасен мне.
– Ты слушал или спал, засоня?
Погибнешь по своей вине.

– Я честно выслушал тебя,
Теперь давай все по порядку.
Превыше истину любя,
От сорняков прополом грядку.

Ты говоришь: слаб человек,
Владеют гнусные им страсти.
Нас, леших, уж который век
Леса спасают от напасти.

Мне морок не опасен сей,
Заразе этой неподвластен.
От плевел зерна ты отсей –
Порок над нежитью не властен.

– Готов поверить: леший нелюдим.
Но обречен, кто о церквах забудет.
– Не ангелы там служат, те же люди.
И что мне от молитв их грешных будет?

– Ты безрассуден, нечего и спорить, -
И Никодим в сердцах махнул рукой. –
Безумного с его безумьем сорить –
Что беса окроплять речной водой.

– Напрасный труд, с тобою я согласен.
Ты лучше мне советом помоги.
Один вопрос мне все-таки неясен:
Ждут в городе меня одни враги?

– Враги твои врагов – твои друзья.
Пусть даже враг он прежде был и твой.

– Загадки этой разгадать нельзя!
– Ответ простой: твой друг там – домовой.

– Мы во вражде ведь с давних пор!
– Да я о том и речь веду,
Что распри ваши – просто вздор.
Поймешь и сам, когда сведу.

– Ты хорошо знаком ли с ним?
– Товарищем мне верным слыл.
– Давно ли было, Никодим?
Возможно, он уже забыл.

– Забыть нельзя, ведь мы не раз
Вгоняли лошадь в мыло.
Хозяин после думал: сглаз,
Параличом разбило...

– Какая лошадь? Мы про город...
– Он на селе в те годы жил.
Ты помнишь? Был великий голод.
Бежал, кто мог. И Доможил...

На новом месте он обжился,
Ни человек, ни дух – наш брат.
И с жизнью в городе смирился,
Но злее стал с тех пор стократ.

Ему поклон мой передай,
Напомни о проказах,
Да будь приветлив – руку дай,
И сдружишься с ним сразу.

Вздыхнул печально Никодим:
– Тебя я сам бы проводил,
Но, как и ты, не исправим –
Мне человек не угодил.

Но если попадешь в беду,
Подумай только, да сильней!
Я все забуду и приду.
Нет друга, верь, меня верней...

И полевой протяжно свистнул:
«Смотри, не попади в беду!»
Затем тихонечко он пискнул
И мышью скрылся в борозду.

А леший вновь один остался.

Кругом он глянул. Вечерело.
Туман по-над землею стлался,
И солнце в ночь упасть созрело;

Но медлило, лучом лаская
Холмы и впадины полей,
Прощальной лаской утомляя
Неистойвой любви своей.

Травы высокой колыхание,
Цветок, а в нем пчела в работе,
И ветра страстное дыхание,
И птицы песнь на звонкой ноте –

Тем, кто живет, любовь ценя,
Все это было как признание,
Что поцелуй на склоне дня
Есть встречи новой обещание...

Но Афанасий не любил.
Сомненьями всю терзаясь,
Иных забот он полон был
И ими жил, не отвлекаясь.

«Пора и в путь», – подумал он,
На солнце пятен не заметив.
В любви был леший не силен,
Своей нигде пока не встретив.

За полем снова лес вставал,
А там гора горбы вздымала...
Но дух лесной не уставал,
Ему природа сил давала.

В краю безлюдном незачем таиться
И опасаться встречи с чужаками.
Мог Афанасий и росой напиться,
А закусить древесными грибами.

Но если б из людей увидел кто его –
Узрел бы мужика, каких немало
По свету бродит. В лешем ничего
От духа не было, на вид – обычный мальй.

Легко весь день мог волком пробежать,
А ночью – филином или пугливой тенью.
Но не любил он облика менять,
Предубеждение оправдывая ленью.

Он шел в надежде, будто так и надо,
Весь леших род от тяжких бед спасти.
Собою жертвовал, не требуя награды,
Мечтая лишь до города дойти.

Мечтал – сбылось, и он дошел таки!
Не леший, а позор лесного рода.
...Нередко вот такие простаки
И остаются в памяти народа.

Глава 3,

где леший Афанасий приходит в город и в поисках знахаря встречается с домовыми.

Лишь тот из нежити, кто не боится сглаза,
Увидев город, в ужас не придет:
Как будто зверь притих тысячеглазый
И, злобою терзаясь, жертву ждет.

Но из таких – ну, домовые разве,
Ведь не случайно в городах живут они.
А впору лешему и слепота, и язвы,
Когда кругом огни, огни... и вновь огни.

А воздух городской? Его нет гаже,
Опасен он для тела и души.
Не ядовит так газ болотный даже.
Будь осторожен, леший, не дыши!

Но за бедой беда идет опять -
И нос сочился, и глаза слезились.
Не будь упрям так, повернул бы вспять,
И долго бы потом кошмары снились.

...Так город лешего сразил,
Едва начался бой;
Он нежить страхом заразил.
И духом пал герой.

Едва живой в кустах лежал,
Пережидая день.
И потому лишь не сбежал,
Что выдала бы тень.

Но шли часы; чем ближе ночь,
Тем крепче духа дух.
И в полночь страх изгнал он прочь
И стал к сомненьям глух.

Он осторожно сделал шаг –
Не дрогнула земля,

И скрылся в подворотне враг,
Растерянно скуля.

И леший, осмелев, пошел...
Неведомо куда.
В лесу он быстро бы дошел,
А в городе – беда!

Один среди множества домов,
И улицы пусты.
Нет ни тропинок, ни следов...
Как лешие просты!

Ведь Афанасий думал как?
Мол, главное – дойти.
Ни разу не спросил, простак,
Где ведуна найти.

Лесною меркой мерил,
Считал, найдет и так.
В удачу слепо верил,
Как и любой чудак.

Но в городе удачи нет
Из леса чужаку.
И освещал уже рассвет
Дорогу лешаку,

Когда услышал он – петух
Вдруг солнцу гимн пропел.
Мерещится, подумал дух.
Но вновь тот захрипел...

– Откуда взялся здесь петух,
Ведь город – не село? –
Воскликнул Афанасий вслух,
А в мыслях: «Повезло!»

Ведь Никодим же говорил, -
И как он мог забыть! -
Селянин в прошлом Доможил...
А что? Все может быть!

Так леший – ночи не прошло, –
Всем лешим изменил.
Вражду он осудил как зло,
И домовых простил.

А Афанасий уж спешил,

Пока не смолк петух.
За домового все решил
Лесной и глупый дух.

Он с торной улицы свернул
И пробежал дворами,
Овраг глубокий обогнул
И свалку за домами.

И вот уже не разобрать,
Куда и занесло.
Домишек обветшалых рать...
Не город, не село.

На пустыре вразброд стоят
Замшелую ордой,
Как будто василиска взгляд
Настиг за чехардой;

По окна в землю все вросли,
Ограды – ни одной.
А лопухи так подросли,
Что дом спасали в зной.

Вот в этом царстве старины
И вековечной лени
И жил губитель тишины,
Любитель песнопений.

Петух на диво был красив
В цветастом оперении,
Но также дьявольски спесив,
Нуждаясь в поклонении.

Поверив, что окраска
Таланта признак есть,
Добавил черной краски
И падким стал на лесть.

Ее добыть пытаюсь,
Вовсю он голосил
С утра, надеждой маясь
И не жалея сил.

Но слобода его
Сном праведника спала,
Не слыша ничего,
И солнце не вставало...

– Эй, птица, полно горло драть,
Изрядно послужил, -
И, приказав ему молчать,
Лешак врага нажил.

В лесу фазан – и тот постиг,
Что леший власть имеет.
Петух же разъярился вмиг:
С ним так никто не смеет!

Он гребень низко опустил
И растопырил перья.
«Кукареку» как клич пустил:
Мол, гляньте все на зверя!

Но Афанасий не сробел.
По клюву забияку
Он, размахнувшись, так огрел,
Что тот забыл про драку.

И, трусостью пятная честь,
Петух бежал позорно
В курятник, где взлелеял месть –
Мечтать ведь не ззорно...

А Афанасий, каясь,
Бранил себя за ссору,
Так драться зарекаясь,
Что и святому впору.

Замучить духа совесть не успела,
Терзаниям три крысы помешали.
Они с лихого возвращались дела
И, шум услышав, явно поспешали.

Но Афанасий крыс едва завидел,
Как в тот же миг о петухе забыл.
Он не оскал и мерзкий хвост увидел,
То домовой в крысиной шкуре был.

И сами крысы, недруга признав,
Все разом в голос злобно запищали.
С какой охотой бы, имея злобный нрав,
Они ему сейчас бока намяли!

Но осторожность удержала их.
Ведь домовой, увы, почти бессилен
Без старых добрых закутков своих,
А дух лесной под ясным небом – в силе.

И как им было с лешим по квитаться,
Пусть больше их, и проучить детину,
Когда пришлось бы на дороге драться,
От глаз досужих скрыв свою личину...

И вот пред лешим в космах встали трое:
Один седой, на вид совсем старик,
А по бокам моложе вдвое – строим,
И, в гнев себя вгоняя, сразу в крик:

– Ты кто таков, зачем сюда явился?
– А петуха почто обидел, лиходея?
– Не то, лешак, ты часом заблудился,
Как призрак бродишь посреди людей?

– Не разом всем, но каждому отвечу, -
Не дрогнул леший под огнем их глаз. -
Ведь сам искал я с домовыми встречу.
Мне Никодим рассказывал про вас!

– Так ты знаком с беспутным полевым? -
Спросил старик без тени интереса.
– И что за радость, дедушка, быть злым? -
Обиделся вдруг выходец из леса.

Он мог простить, когда его ругали,
Но за друзей всегда стоял горой.
– Ты доживешь до вечера едва ли,
Начав судить столь раннею порой!

– Ты Доможил, и Никодиму друг, -
Ответил Афанасий без запинки. -
И что бродить нам около да вокруг?
Я не затем шел в город из глубинки.

– Разумен, малый, ты не по летам, -
Съязвил старик. – Ужель в лесу родился?
– Позволь-ка, дедушка, я честь тебе воздам! -
И Афанасий в пояс поклонился.

(Он не забыл совета Никодима).
Поклон неожиданный так растрогал Доможилу,
Что по щеке его скользнула, невидима,
Слеза, за ней еще... И прошлое ожило.

И вспомнил старец враз и Никодима,
И дружбу старую, и старое село –
Все то, что было некогда любимо

И что, казалось, навсегда ушло.

Пусть не привыкли домовые плакать –
Ведь не всегда сентиментально зло, –
Но Доможил дождю позволил капать...
Лесному духу снова повезло.

Глаза омыв и память растревожив,
Был домовый радушно-суетлив.
Так долго жил он, сам себя стреножив,
Что, путы сняв, внезапно стал болтлив.

– Так Никодим, ты баешь, жив и здоров
И старика не позабыл доселе?
Тебя ко мне направив, был он прав.
Эй, молодцы, сегодня быть веселью!

Он оглянулся – спутники его,
Всегда во всем натурой злой ведомы,
Не скрыв неодобренья своего
Вновь крысами метнулись в щели дома.

И злобный писк окрестность огласил,
Из темных нор глаза вдруг засверкали –
Традиции нарушил Доможил,
И домовые в слободе восстали.

– Ужо я вас! – им старец пригрозил. -
Не смей перечить, бесово отродье!
Моей руке еще достанет сил
Вернуть вам разум вопреки природе!

Но явно Доможил сконфужен был.
Сказал бы кто – и сам бы не поверил,
Что домовый о вековой вражде забыл
И лешему себя и дом свой вверил.

Он – дух домашний, леший – дух лесной.
Ведут собака с волком смертный бой.
И каждый платит дорогой ценой
За право быть всегда самим собой.

Чем дольше – тем сильнее сомненье.
И Доможил уже себя бранил,
Что домовых испытывал терпенье,
Когда их с лешим помирить решил.

Был Доможил как ветер переменчив.
Бунт напугал его; он лешего винил,

Что тот своею лестью беззастенчивой
На безрассудство старика подбил.

Гордыня только старцу и мешала
Отречься от недавних клятв своих.
Дай леший повод – и пиши пропало:
Не миновать ему расправы домовых.

Но Афанасий был наивен, но не глуп.
Он видел все и вскоре догадался,
Что с виду лишь старик кряжист как дуб –
Внутри трухляв... Но страху не поддался.

– Спасибо, дедушка, тебе на добром слове, -
Сказал с улыбкой, – только не взыщи –
Не время пировать; расслышь тревогу в зове
И помоги мне – ведуна сыщи!

– А что искать, живет он недалече, -
Махнул устало Доможил рукой. –
Меж нами договор: он наших лечит,
Мы от людей его храним покой.

Так просто вышло; даже гром не грянул,
И леший не пустился в буйный пляс.
Но пошатнулся он, как будто пьяный,
И побледнел – ответ его потряс.

Не будь собой так занят Доможил –
Растерянность бы лешего отметил
И уж тогда дотошно расспросил...
Но не в себе он был и лишь заметил:

– Тот видишь дом? Тропинку в лебеде?
Дойдешь по ней, но солнца жди восхода.
Затем стучи, когда в большой беде...
И возвращайся к своему народу!

– Спасибо, дедушка! – и леший поклонился. -
Обидел чем – прошу меня простить...
Но домовой, сердито пискнув, скрылся –
Лишь хвост мелькнул, – не дав договорить.

А Афанасий будто потерялся –
То в небо он смотрел, то вокруг себя.
Он прежде даже черта не боялся,
Но к ведуну шел, страха не тая:

Тот был обижен нежитью когда-то,

И пожелай сейчас он отомстить,
То не было бы лучше кандидата...
(Как лешему себе да не польстить?!)

Чесал в затылке Афанасий долго,
Вздыхал и маялся, кляня весь белый свет.
Но пересилило в нем все же чувство долга,
И он пошел... Уж близился рассвет.

Недаром леший мести опасался –
Инстинкт и раньше выручал его, –
Он на заклятии безвременья попался.
Не позабыл ведун, как видно, ничего...

Вся слобода – домишек семь иль восемь,
Но леший шел и шел – и все не мог дойти.
Давно уже сменила лето осень...
Был тяжек каждый шаг в конце его пути!

Безвременье... Однажды время вдруг
Перестает струиться в бесконечность
И, искривившись, образует круг,
Где миг один как будто длится вечность.

Заклятие всесильно – смерть сама
Отступит, утомившись ожиданием.
И можно запросто тогда сойти с ума,
Коль колдовским не обладаешь знанием.

...Века он брел, от ужаса немея.
Но солнце лишь взошло за лешего спиной,
Он на крыльце стоял, в дверь постучать не смея...
– Входи же, – вдруг услышал, – гость лесной!

Глава 4,

где старый леший Прошка задумал продать на торжище вверенных ему Афанасием зайцев, но вместо этого проиграл их в карты.

Мир нежити во многом схож с людским.
Недаром ведь веками рядом жили!
Нельзя равнять его с укладом городским,
Но торжищем и бесы дорожили.

Четыре раза в год, а то бывает чаще,
Все сходятся на берегу реки,
И обитатели полей, озер и чащи
Несут на торг с добром своим мешки.

Распродается леший здесь грибами,
Пшеницу с рук сбывает полевой,

Русалки увлекают жемчугами,
Губастыми сомами – водяной.

Кикиморы льняным торгуют платьем,
Лопасты – лотосом с заброшенных болот,
А ведьмы старые – отварами с заклятьем,
Порою спутав с отворотом приворот.

Бурлит толпа, как дьявольский напиток.
Обмана нет в помине, все честны:
Попробуй не продать себе в убыток,
Коль мысли – не слова! – твои слышны.

Но так бывает, что испорчена порода.
А старый леший с лет молодых узнал,
Как мысли скрыть лихие от народа
И без труда нажить изрядный капитал.

Однако прежде как бы ни ловчил,
Лишь тумаками вволю и разжился.
Как будто вору кто наворожил,
И он навек с удачей раздружился.

Но с Афанасием иначе вышло дело,
Пусть и года уж Прошкины не те...
На торжище он шел, и все в нем пело –
Он был уже на полпути к мечте.

Считал себя старик завзятым вором,
И если у кого украсть решил –
То он и крал, не маясь приговором
Несуществующей, как верил он, души...

За Прошкою гурьбой бежали зайцы,
Послушные дуде в руках его.
Он так гудел, что взмокли даже пальцы,
Не слыша фальши от усердя своего.

Дуда замолкла – зайцев не собрать,
Ищи-свищи затем их по лесам...
Но день и ночь без отдыха играть
Под силу разве старым лешакам?!

Еще беда – был зайцам не сезон,
И, кроме Прошки, все об этом знали.
Им до зимы – еда, прогулки, сон,
Жирком тела чтоб мерно заплывали.

К зиме, глядишь, товар в большой цене...

Но ждать всю осень леший мог едва ли.
Привиделось такое бы во сне –
И зайцы бы недолго жировали...

Перевалило солнце уж зенит.
Собрало торжище со всей округи нежить.
Порою смех вдруг чей-то прозвенит,
Но чаще уханье чужое ухо нежит.

Довольны все, особенно купцы,
Что позабыты свары и раздоры.
Закон жесток, и даже храбрецы
Предпочитают драке разговоры.

А Никодим любил поговорить.
В дни торжищ полевой с утра уж весел –
Ведро он браги мог уговорить
И сотню спеть степных раздольных песен.

Но перед этим меж рядов ходил,
Что приглянулось, покупал без торга.
И тем же вечером шутовкам все дарил,
Убытков не считая к их восторгу.

Таков он был: чудака из чудаков,
Кикимор одиноких сновиденье,
Лопастам друг. И только стариков
Он выводил из всякого терпенья...

Был вечер недалек, торг затихал,
И Никодим уж уходить собрался,
Но разговор внезапно услышал
Он водяного с лешим – и остался.

Забыв о том, зачем сюда пришли,
Ожесточенно спорили дедки.
Да так, увлекшись, далеко зашли –
Того гляди, что схватят за грудки.

– Примета верная, потопа надо ждать, -
Талдычил водяной, воссев на кочку.
– В лесных делах что можешь понимать? -
Сердился леший. – Быть войне – и точка!

– Плодятся зайцы, как мальки, к большой воде, -
Гнул водяной. – Проверено веками!
– В одном ты прав, знать, быть большой беде,
Коль зайцев летом продают стадами.

– Так ждать потопа или ждать войны? -
Вмешался полевой, наскучив слушать. –
На что судьбою мы обречены,
И почему вдруг у беды да зайца уши?

– Вы, полевые, можете не знать, -
Презрительно скривившись, леший молвил, -
Вдруг так зайчихи начали рожать,
Что все леса приплод их переполнил.

Такое было перед Той Войной...
Слышал, малец, как с ангелами бились?
Рассказывал мне старый водяной,
Что князю тьмы мы за отвагу полюбились.

– Молчал бы лучше, старый ты дурак! -
И водяной с опаской оглянулся. –
Перед Потопом точно было так...
Весь мир в воде! Он мне бы приглянулся.

И старики вернулись к старой теме,
И каждый о своем вновь речь завел.
Брюзжанье их, как слепень, билось в темя,
И, не дослушав, Никодим ушел.

Он не встречал средь нежити таких,
Кто пережил Потоп и Ту Войну.
Тысячелетья проглотили их.
Никто не знал, что было в старину.

Остались лишь былины и предания,
Но постепенно забывали их.
Теряла нежить с каждым веком знания
Об истинных событиях былых.

На слово верить – мало простаков,
И Никодим, как многие, не верил.
Неверие сгущало тьму веков.
На свой аршин былое каждый мерил.

«И что о прошлом думать и гадать?
Ведь оглянуться даже не успеешь,
Как время подойдет тебе узнать,
Что жизнь прошла, и спорить не посмеешь.

Все сущее живет и умирает.
Вся разница – как долго и когда.
И даже нежить в срок свой погибает,
Устав считать минувшие года...»

И Никодим вдруг широко зевнул –
Его от дум обычно в сон клонило.
Он под кустом до ночи прикорнул...
Но счастье будто полевому изменило.

Со сна подумал Никодим – комар над ухом
Безжалостно ему терзает нервы,
Воинственным своим ведомый духом.
И не стерпел – его ударил первым.

Наглец не смолк, зудел что было сил,
Он улетал и возвращался снова.
И полевой себе то в глаз, то в ухо бил,
Ленясь припомнить колдовства основы.

И лишь когда всего себя избил,
Он вырвался из крепких сна объятий.
И комара со зла бы погубил –
Но словно сгинул мигом неприятель.

Не сразу Никодим уразумел,
Что ухо не комар – дуда терзала.
Вовсю старался Прошка – как умел,
Дуда в ответ обиженно пищала.

Неподалеку леший проходил
От тех кустов, где Никодим заспался.
По торжищу он с зайцами ходил
И с нежитью жестоко торговался.

Но цену так никто и не давал,
И старый леший злобно сокрушался.
Он зайцев оптом и поштучно продавал
И в дальний лес сам перегнать их обещался –

Напрасны были все его потуги.
Кто в спину, кто в лицо ему смеялся:
Он слишком дорого ценил свои услуги
И, всем известный вор, своею честью клялся.

Но Никодиму невдомек, он не видал.
Судьба, как видно, Прошке так сулила:
Не разбуди он полевого, тот бы спал,
И не нависла бы над лешим вражья сила.

Приметлив полевой был – враз признал
Тех зайцев, что за лешим ковыляли.
Он, почитай, с рождения всех знал.

Их с Афанасием зайчата забавляли:

Заноза в лапе ли, колючка ли в ушах –
Те тотчас к пастухам своим бежали.
И умиления слезу порой в усах
Надежно прятал он, чтоб зайцы не видали...

Но что случилось с ними? Вот беда!
Свалялась шерсть и лапки в кровь разбиты,
От жира не осталось и следа,
И перепуганы, как будто были биты.

Какой пастух из Прошки?! Вор есть вор,
И воровские у него повадки.
Судьба произнесла свой приговор,
Когда родился он; с него и взятки гладки.

Пусть даже Никодима кто обидел,
Он так бы не озлился, как сейчас,
Когда обиду зайцам он увидел...
И потемнел вдруг полевого глаз.

Но глаз второй сощурился хитро...
Как раскаленный нож пронзает масло,
Легко проник он в лешего нутро.
И вмиг все Никодиму стало ясно.

Ввязаться в драку? Лешие сильнее,
И Прошка мог шутя его побить,
Пусть он и стар. Нет, надо быть умнее
И лешего суметь перехитрить!

«Ну, а не выйдет – так затею драку!» -
Подумал молодецки Никодим.
Он по натуре не был забиякой,
Но в деле правом был неустрашим.

– Поймай, пастух! – он закричал, что было мочи.
И Прошка вздрогнул, словно от удара. –
Ты будешь так бродить до самой ночи,
Иль снизишь цену своего товара?

– И так я зайцев отдаю почти что даром, -
Привычно леший злобно забурчал.
– Каков купец, с таким он и наваром, -
Услышал он в ответ и осерчал.

– Берешь – бери, а нет – так прочь беги, -
И старый леший грозно скорчил рожу. –

Для бесенят насмешку сбереги,
Не то поля тобою унавожу!

– Беру – и по рукам, когда и точно даром!
– Задаром зайца хвост и то я не отдам.
По справедливости, за самородок – пара ...
– С ума сошел ты к пожилым годам!

Так торговались – пыль столбом стояла,
Но только время потеряли зря.
Луна уж в небесах, как новый грош, сияла,
И гасла над рекой вечерняя заря,

Уже отчаялись и Никодим, и Прошка.
И предложил вдруг полевой устало:
– Давай сыграем в карты понарошку,
Передохнем – и все начнем сначала!

Картежником заядлым Прошка слыл,
А торговаться не было уж сил.
Как отказаться? Вор азартен был,
И полевой его уговорил.

Порою вспоминали старики,
Что карты дьявол нежити подбросил.
У князя тьмы в почете игроки,
А лучших он на званый ужин просит.

Другие утверждали – это бред,
Спасали нежить в Ту Войну они от бед.
И нанесли врагу немалый вред,
Предсказывая день и час побед.

Но кто на слово верит старикам?
Ведь даже трус на склоне лет – герой,
И тем ему обязан дьявол сам,
Что не лежит, как червь, в земле сырой.

Всегда неверие питается обманом,
Заклятьем страшным память не в чести.
Скрыто прошлое от нежити туманом,
В грядущее им налегке брести...

Игрок кум вору, верно говорят.
Колода карт при лешем неизменно.
Огнем недобрым вмиг зажегся взгляд –
Он выигрыша жаждал откровенно.

А Никодим спокоен был, как сыч,

Хотя и видел, что крапленая колода.
Для нежити игра – исконный бич,
Но все-таки в семье не без уroda.

– Очко! – и сбросил леший карты.
У полевого – снова перебор.
О чувстве меры позабыл в азарте
Вошедший в раж недалновидный вор.

То, в деле шулерском большой знаток,
Смеялся он без видимой причины,
Коль удавался баламут или липок,
Или тащил он из колоды клины.

То леший начинал сердиться вдруг,
И бормоча, что полевым все перепутал,
С наколкой карту вырывал из рук,
Чем окончательно игру и счет запутал.

Все видел Никодим и понимал,
Но шулеру ни словом не перечил.
В свои он сети Прошку завлекал,
Чтоб тот навек запомнил этот вечер.

– Играем просто так, как будто дети,
Без интереса мне скучна игра, -
Смешав все карты, полевым заметил. –
Айда на боковую до утра!

– На кон я ставлю зайца! Чем ответишь? -
Немедля старый леший закричал.
– Ты, леший, верно, в праведники метишь?
На мелочишку я играть устал!

И Никодим, как будто ненароком,
Алмаз заветный Прошке показал.
У нежити тот звался Черта Оком,
И равного никто ему не знал.

– Я против зайцев ставлю свой алмаз.
Он стоит втрое, ну да черт с тобою,
Сыграем на него мы только раз –
Играю не с тобой я, а с судьбою!

У Прошки голова пошла вдруг кругом –
О Черта Оке вор любой мечтал.
Кто им владел – мог дьяволу стать другом,
На прочих с колокольни бы чихал.

– Идет, – он прохрипел, – чур, без обмана!
Но полевой надежно спрятал взгляд.
Поля дышали запахом дурмана,
Вдыхал и старый леший сладкий яд.

Луна, и ночь, и бешеное зелье...
Весь мир струился и куда-то плыл.
Алмаз был лешего единственной целью,
И Никодим легко колоду подменил.

Он с ног на голову все в ней переиначил:
Шестерка превратилась вдруг в туза.
Теперь привычная для лешего раздача
Ему бы принесла немало зла.

Заклятья проще нет; не будь так одурманен,
Его бы сразу леший раскусил.
Но карты видя, как в густом тумане,
Он своего обмана плод вкусил.

Все вышло так, как Никодим задумал,
И в прикупе к тузу десятка вдруг пришла.
Перечить старый леший было вздумал...
Но благодать к нему с небес сошла.

Он прослезился, в воровстве признался
И клятву дал не врать, не воровать.
Язык во рту о зубы заплетался,
И Прошка до утра решил поспать.

Дурман-трава свою сыграла роль,
И старый леший с зайцами простился.
А Никодим, как истинный король,
К вассалам с тронной речью обратился.

– Жалею вас, жалею ваши ноги,
Но мы к утру должны домой дойти,
Преодолеть усталость и дороги,
Чтоб старый вор не смог вас вновь найти.

В родном лесу вам каждый куст подмога,
Овраг любой вас от беды спасет.
Вы, спрятавшись, подкормитесь немного,
А там и Афанасий к вам придет!

Не плачь, Малышка, не пыхти, Обжора,
Обманывать какой мне интерес?! -
И, дудку отложив, – не разбудить бы вора! –
Повел он зайцев за собой в родимый лес.

Глава 5,

где леший Афанасий знакомится со знахарем (ведун) Силантием, а также неожиданно встречается с его дочерью.

– Входи смелее, гость неожиданный!
И Афанасий в дом вошел,
Помедлив чуть. Был голос странный,
Из преисподней будто шел...

Снаружи дом дышал на ладан,
Казалось, ветер дунь – снесет.
Внутри увидел – анфилада
Пустынных комнат вдаль идет;

Не обойти их и в недели.
Повсюду пауки в углах
В сетях серебряных воссели,
И эхо бродит в потолках.

Нетопырей полет бесшумный
Картину эту дополнял...
Отшельник жил здесь иль безумный?
Судьбину Афанасий клял.

Не склеп могильный, не пещера,
И не острог, и не изба...
Какой изгоя мерить мерой?
Дом ведуна – его судьба.

Вновь Афанасий огляделся,
Но не увидел никого;
Куда-то даже голос делся...
И леший крикнул: «Ого-го!»

Но поперхнулся криком сразу.
Из сумрака его ожгли,
Стеснив дыхание, два глаза –
Как будто факелы зажгли.

Был дряхл ведун – живые мощи,
Но все ж огромен, как медведь.
Подумал леший: «Тощий-тощий,
А в ухо даст – убьет же ведь!»

– Куда уж мне, – был голос тих,
Как будто тьма сама шептала. –
Когда-то был Силантий лих,
Но старцу драться не пристало.

Себя как удержать от мысли?
К такому леший не привык.
В своем лесу вольготно мыслил,
А говорить почти отвык.

Но с ведуном будь начеку,
Моргнет – и поминайте духа:
Потом всю жизнь кричи «кукареку»
Иль выпью на болоте бухай глухо.

Известна лешим лишь простая ворожба –
Проникли знахари в глубины колдовства.
Дала им силы лютая борьба,
Что нежить некогда лишила божества.

Пусть нежитью забыта Та Война,
Но страх невольный в памяти остался.
Предав забвению заслуги ведуна,
Ту боль запомнили, что он лечить пытался.

Не потому ль изгнали ведуна?
Как рядом жить, скрывая ужас, вечность...
Довольно, что кровавая луна
Карает их за прошлую беспечность!

– Не голова, а улей диких пчел...
Не можешь мыслить – говори толково! -
Услышал леший? По губам прочел?
Рой мыслей обуздадо слово.

Он рассказал, а кое-что домыслил,
Что лешего вдруг в город привело;
Злодейства водяного перечислил,
И как ему дорогу всю везло.

Ведун не перебил его ни разу.
Молчал и слушал. Слушал и молчал...
За ним исподтишка безбровым глазом
С тревогой тайной леший наблюдал.

Но вот он смолк, и пот отер со лба.
Тень на стене движенье повторила.
«Туманна наша, друг, с тобой судьба», -
Она безмолвно будто говорила.

– Все повторяется, – услышал леший вдруг. -
Проклятие над нежитью витает.
Оно лишь совершило новый круг,
И сам себя в пятау змий вновь кусает.

– Лесной я дух, – промолвил леший робко, -
И для меня слова твои темны.
От них мне только тягостно и знобко.
Мы, лешие, не очень-то умны!

– Жила бы нежить в мире меж собой,
Когда бы не страдала головой.
И миром правили бы леший, водяной...
Доступно излагаю, дух лесной?

Ведун сурово на него воззрился,
И леший, вздрогнув, второпях кивнул.
– Но, видно, шибко человек молился,
И разум ваш пропал или заснул.

Любя вас приютила мать-земля,
Ее вы чада, а отец – природа.
Когда-то реки, рощи и поля
Кишмя кишели вашего народа.

И лишь затем пришел к вам человек.
Но не сказал, зачем он и откуда,
И что он поселился здесь навек...
Для вас он просто гость был ниоткуда.

Почти бессмертны духи, в этом дело.
Но человек, в короткой жизни спешной,
В порочное вселенный наспех тело,
Забыл, что светит дух во тьме кромешной.

Из праха он. Что может понимать?!
И, заносив до дыр чужое платье,
Он принуждает мачехой стать мать,
Уже на душу наложив заклятье.

Природы выродок, изгой,
Не смевший прежде даже пикнуть,
Вступил с Землей в неравный бой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.